

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СОЧИНЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVII В.**

А. П. Батурич

**POWER AND SUBJECTS: THE PROBLEM OF INTERACTION
IN THE WORKS OF FRENCH POLITICAL WRITERS OF THE 17TH CENTURY**

A. P. Baturin

В статье рассматриваются взгляды и идеи крупнейших французских политических писателей XVII в., касающиеся власти и ее взаимодействия с подданными в эпоху расцвета абсолютизма во Франции. Внимание при этом акцентируется на формах и методах, в том числе на роли насилия в этом взаимодействии.

The paper considers the views and ideas of major French political writers in the 17th century, regarding power and its interaction with the citizens at the time of the heyday of absolutism in France. Attention is focused on the forms and methods, including the role of violence in this interaction.

Ключевые слова: Французский абсолютизм, французская литература XVII в., политическая мысль Франции Раннего Нового времени.

Keywords: French absolutism, French literature of the 17th century, political thought in Early Modern France.

Изучение истории исторических знаний переходной эпохи, каковой для Франции являются XVI – XVII столетия, не теряет своей актуальности, поскольку прежде всего Франция в данный период времени во многом определяла интеллектуальное движение, создавшее историческую дисциплину и предопределившее институциональное оформление исторической науки в Европе [2, с. 20 – 21]. Для Франции, как и для большинства западноевропейских стран, переход от Средневековья к Новому времени ознаменовался радикальными переменами во всех сферах жизни: экономической, социальной, политической, культурной. Французские мыслители на всем протяжении этого сложного, во многом трагического для страны периода часто обращались к политическим проблемам и проблеме власти в частности. В немалой степени этому способствовали политическая ситуация в стране, начиная с Людовика XI и заканчивая правлением Людовика XIV (процесс формирования во Франции абсолютной монархии, реформационное движение, Гугенотские войны, Фронда). Среди политических писателей эпохи к проблеме власти более глубоко и последовательно обращались Филипп де Коммин (1447 – 1511), Жан Боден (1530 – 1596), Мишель де Монтень (1533 – 1592), Теодор Агриппа де Обинье (1552 – 1630), Франсуа де Ларошфуко (1613 – 1680), Жан де Лабрюйер (1645 – 1696).

Политические процессы, связанные с развитием западноевропейских абсолютистских государств, нашли достаточно широкое отражение в литературе переходной эпохи. Здесь, прежде всего, следует отметить то, что литература западноевропейских стран XVII в., как и в XVI в., развивается под флагом гуманистического мировоззрения. Общее отношение гуманистов к истории, их социальные, политические и прочие установки общеизвестны.

Резкие перемены социально-политической и экономической ситуации в данный период резко повысили интерес писателей, общественных деятелей, юристов и других представителей интеллектуальной элиты к истории своих стран. В среде гуманистов все происходя-

щие в мире перемены интерпретировались как следствие доброго или злого начала в человеке.

Что же касается специфики развития литературы во Франции, то здесь следует отметить следующее: Развитие французской литературы XVII в., как и в других странах Европы, было тесно связано с социально-исторической ситуацией, сложившейся во Франции после окончания религиозных войн и утверждения централизованной королевской власти. Укрепление абсолютизма требовало ограничения прав феодальной знати, пытавшейся вплоть до середины XVII в. отстаивать свою политическую самостоятельность. Решительную борьбу против этих попыток вел министр Людовика XIII (1610 – 1643) кардинал Ришелье, он планомерно и целенаправленно создавал сложный и разветвленный административно-чиновничий аппарат, служивший ему для управления финансами, судебными учреждениями и другими сферами государственной жизни. Эта новая бюрократия пополнялась за счет состоятельных буржуа, охотно покупавших за большие деньги чины и должности, а нередко вместе с ними и дворянское звание. Тем самым Ришелье создавал определенный социальный противовес старой аристократии, постепенно лишая ее представителей влиятельных ключевых постов в государстве, и одновременно пополнял пустующую казну за счет продажи административных должностей. Однако новая знать, рассчитывавшая занять полноправное место в иерархии феодального общества, постоянно наталкивалась на пренебрежение со стороны старого, исконного дворянства, кичившегося своими привилегиями и древностью рода. Эти социальные процессы получили широкое отражение в литературе XVII в. Политика централизации, последовательно проводимая Ришелье (затем его преемником кардиналом Мазарини) и, в особенности, начиная с 1660 г., Людовиком XIV (1643 – 1715), способствовала упорядочению всех сфер общественной и духовной жизни. На смену анархии и хаосу периода религиозных войн приходит дух дисциплины и строгой регламентации, распространившийся и на литературу. Под знаком этих тенденций, проявляющихся в различ-

ных областях духовной жизни, происходит формирование ведущей художественной системы французской литературы XVII в. – классицизма. Характерная особенность французской литературы XVII в. – близкое соприкосновение с философскими течениями, оказавшими значительное влияние на идейно-художественную структуру литературных произведений. С первых шагов становления классицизма мы сталкиваемся с постоянным обращением к античным сюжетам и героям – мифологическим и историческим. Наряду с классицизмом во французской литературе XVII столетия, в особенности в первой половине, существовала художественная система барокко. Она не играла столь существенной роли как в Испании, но имела многочисленных сторонников в среде писателей и оказала воздействие на весь литературный процесс в XVII столетии.

В 1640-е годы во Франции обостряется политическая обстановка. После смерти Ришелье и Людовика XIII власть при малолетнем короле Людовике XIV переходит к его матери, королеве-регентше Анне Австрийской, а фактически к ее фавориту и министру кардиналу Мазарини. Феодальная знать, недовольная выдвиганием на важнейший государственный пост человека низкого происхождения, к тому же итальянца, которого считали выскочкой и авантюристом, возобновляет свои притязания на восстановление былых вольностей и на политическую самостоятельность, утраченную при кардинале Ришелье. Городская буржуазия, раздраженная нескончаемыми поборами и налогами, введенными новым министром, оказывает поддержку мятежным аристократам. В Париже воздвигаются баррикады, в провинции вспыхивают крестьянские восстания. Все это осложняется затянувшимся на многие годы военным конфликтом с Испанией. Своей кульминации это движение, получившее название Фронды, достигло в 1648–1650 гг. Сломив сопротивление знати и городской буржуазии (Фронду) и расправившись с народными крестьянскими восстаниями, абсолютизм утверждает неограниченную власть монарха внутри страны и закрепляет свои международные позиции победой над когда-то могущественным внешним врагом – испанской монархией Габсбургов. К началу 60-х гг., став совершеннолетним, Людовик XIV направил свои усилия на создание непререкаемого авторитета королевской власти во всех областях жизни – общественной, духовной и даже частной – внутри страны и на то, чтобы поднять военный, политический и культурный престиж Франции за ее пределами. Немалая роль в этой политике отводится искусствам и литературе.

Французская литература второй половины XVII в., отразив подъем абсолютизма, обнаруживает гораздо большее единство, чем в предшествующий период, стилистически более монолитна, в максимально полной и типичной форме воплощает национальную культуру и дух своего времени.

Творчество Мольера и Лафонтена, Расина и Буало, Ларошфуко и Лабрюйера создает тот «золотой век» французской литературы, который длительное время рассматривался как культурный и художественный образец для других европейских народов. Вместе с тем в последние десятилетия XVII в. все явственнее обнаруживаются глубокие противоречия французского об-

щества: резкие контрасты между расточительной роскошью социальной верхушки и нищетой основной массы народа, между растущим официальным благочестием, насаждаемым королем и его фаворитами, и развращенностью придворных нравов, между парадным блеском двора и заметной экономической и военной слабостью страны. Все эти противоречия наложили отпечаток и на литературу.

Настоящая статья является как бы продолжением исследования взглядов на проблему власти французских политических писателей XVI в. [1] и касается анализа сочинений двух крупнейших политических писателей уже XVII столетия – Франсуа де Ларошфуко и Жана де Лабрюйера.

В отличие от других писателей-современников (например, теоретика Гуго Гроция), знаменитый писатель-моралист, автор блестящих афоризмов и, прежде всего, «Мемуаров», Франсуа де Ларошфуко представляет, так сказать, живую историю Франции середины XVII в. Здесь, правда, приходится заметить, что автор в своих сочинениях лишь подробно описывает современные ему события, редко обращаясь к рассуждениям и выводам относительно их характера. Это касается в частности монарха и различных направлений его политики.

Ларошфуко происходил из старинного феодального рода. Он принимал активное участие в заговорах против Ришелье и восстаниях Фронды, с оружием в руках защищая старинные феодальные привилегии. После поражения Фронды герцог де Ларошфуко попадает в опалу и до конца 1650-х годов живет в изгнании в своем родовом замке, где размышляет о пережитых событиях. Первые итоги этих размышлений и нашли отражение в его «Мемуарах» (1662). Вернувшись в столицу, Ларошфуко становится постоянным посетителем литературных салонов. Многие из этих салонов были оппозиционными в политическом отношении, это было своеобразное продолжение Фронды: потерпевшие военное поражение фрондеры проявляли свое недовольство в изящных беседах и остроумных афоризмах. Отражением политических воззрений автора также явились его «Максимы, или Моральные размышления» (1665). Еще в «Мемуарах» Ларошфуко в строгой последовательности описал исторические факты и те мотивы, по которым он вступил в благородную, по его убеждению, борьбу с деспотизмом правительства. Он, как и его единомышленники, искренне полагал, что преследование знати – часть всеобщего несчастья, постигшего Францию, и имеет причиной несправедливость абсолютизма. Более всего самолюбие Ларошфуко задевало очевидное, по его мнению, несовершенство монарха Людовика XIII. Так он пишет: «Король Людовик XIII отличался слабым здоровьем... Недомогания, которыми он страдал, усиливали в нем мрачное состояние духа и недостатки его характера; он был хмур, недоверчив, нелюдим; он и хотел, чтобы им руководили, и в то же время с трудом переносил это. У него был мелочный ум, направленный исключительно на копание в пустяках, а его познания в военном деле приличествовали скорее простому офицеру, чем королю» [4, с. 5]. Писатель, как и большинство современников, считает, что «правил государством кардинал Ришелье», который своим возвышением обязан был королеве-матери. Ларошфуко подчеркивает бросающееся в глаза

отличие кардинала от короля: «У него был широкий и пронзительный ум, нрав – крутой и трудный; он был щедр, смел в своих замыслах...» [4, с. 5]. Писатель с симпатией относится к мероприятиям кардинала, направленным на укрепление центральной власти и борьбу с внешними врагами. В то же время в своих «Мемуарах» он больше внимания уделяет не этой стороне политики Ришелье, а описанию придворных интриг, борьбе различных придворных партий, взаимоотношениям между отдельными вельможами и военачальниками. Особо слабость и неспособность короля проявилась, по мнению Ларошфуко, после смерти Ришелье в 1642 году и переходе фактической власти в руки Мазарини. На фоне всеобщей ненависти к новому кардиналу Мазарини писатель отдает должное правлению усопшего: «Как бы не радовались враги кардинала, увидев, что пришел конец их гонениям, дальнейшее с несомненностью показало, что эта потеря нанесла существеннейший ущерб государству... Никто лучше его не постиг до того времени всей мощи королевства и никто не сумел объединить его полностью в руках самодержца» [4, с. 20 – 21]. При этом Ларошфуко признает, что многие политические успехи Ришелье были достигнуты посредством «суровости его правления» и «обильного пролития крови», «унижением многих вельмож» и «обременением народа податями». Сравнение двух кардиналов у Ларошфуко не в пользу Мазарини: «Ум его был обширен, трудолюбив, остер и исполнен коварства, характер – гибок; даже можно сказать, что его у него вовсе не было и что в зависимости от своей выгоды он умел надеть на себя любую личину. Он не заглядывал вдаль даже в своих самых значительных планах, и в противоположность кардиналу Ришелье, у которого был смелый ум и робкое сердце, сердце кардинала Мазарини было более смелым, чем ум. Он скрывал свое честолюбие и свою алчность, претворяясь неприятельным...» [4, с. 26]. Особенно подробно писатель останавливается на событиях, связанных с Фрондой. На страницах его «Мемуаров» рисуются яркие картины анархии в 40-е годы, мятежей знати и народных волнений, втягиваемых обеими сторонами в конфликт, гражданской войны конца 40-х годов. Причину неудачи Фронды Ларошфуко видит в неспособности фрондеров выполнить до конца свой долг по отношению к государству и народу, в их разобщенности, анархизме, эгоизме. В «Мемуарах» еще нет попытки вывести законы морали, но ясен вывод Ларошфуко из его жизненного и политического опыта: люди не могут бороться ради высоких принципов, главное для них – личная выгода. Поскольку человек зависит от внешней среды, большую роль играет государственное законодательство, которое может пробудить к жизни и хорошие, и дурные наклонности людей. Ларошфуко осуждает порядок, установившийся при абсолютизме, при котором, как он полагает, выявилась анархическая, эгоистическая сущность людей, прежде сдерживаемая старинными общественными учреждениями, сильными своей древностью. Ларошфуко – писатель-классицист, хотя его мировоззрение отлично от взглядов и позиций других писателей «великого века». Он, рационалист, борется с ненавистным ему абсолютизмом с помощью рационалистических рассуждений; как философ он исходит из одного основного принципа – теории себялюбия; как художник

он прибегает к методу обобщения и типизации: в «Максимах» выражены обобщенные представления о человеке, его природе, месте в обществе.

К младшему поколению французских моралистов принадлежал Жан де Лабрюйер, выходец из небогатой буржуазной семьи. С 1684 г. он становится воспитателем внука «великого Конде», знаменитого военачальника, одного из тех, кто возглавлял Фронду. Дворец Конде в Шантийи не уступал версальскому по пышности и блеску. Наделенный редким даром наблюдения, Лабрюйер внимательно всматривался в окружение Конде, изучение которого во многом послужило материалом для его единственного сочинения, книги «Характеры» (полное название – «Характеры Феофраста, перевод с греческого, и Характеры, или Нравы нынешнего века»). Первое издание (1688) включало в себя перевод из Феофраста и 418 оригинальных характеров. Этот самостоятельный раздел в последующих изданиях при жизни Лабрюйера постоянно увеличивался. В последнее, девятое издание, вошло уже 1120 характеров, созданных Лабрюйером. Писатель обнаруживает и анализирует причины пороков, исходя из социального положения тех типов, которые он рисует («О столице», «О дворе», «О вельможах», «О монархе или о государстве и т. д.). Таким образом, характер, по Лабрюйеру, формируется под воздействием общественной среды. Проявление той или иной страсти, присущей человеку, различно в разных социальных условиях. Лабрюйера интересует среда, в которой проявляются те или иные характеры. В книге Лабрюйера с подлинной исторической конкретностью изображаются характеры и нравы Франции второй половины XVII столетия. Автор рисует не только различные слои и сословия французского общества в эпоху правления «короля-солнца», но и реально существовавшие отношения между ними. Лабрюйер со всех сторон показывает столицу и жизнь столичного общества, вельмож и буржуа, финансистов, чиновников и крестьян, государя и его подданных.

Особое место при этом занимают его рассуждения о монархе и монаршей власти, чему посвящена специальная глава «О монархе или о государстве». Здесь гибкий и осторожный политик Лабрюйер в условиях укрепления абсолютистской власти Людовика XIV, заявившего: «государство – это я!», однозначно высказывается за сильную абсолютную власть монарха, считая, что тот «должен обладать неограниченной властью, которая не оставит места для происков, интриг, заговоров, сотрет неизмеримое расстояние, отделяющее порою вельмож от простолюдинов, сблизит их и равно приучит к повиновению» [3, с. 364 – 365]. Писатель считает, что важнейшим условием успешного функционирования власти является всеобщее подчинение и повиновение самодержцу: «Обязанности людей, занимающих первые должности в государстве, где правит великий король, всегда несложны и выполняются ими без всяких усилий: все идет само собою, престиж и гений государя проторяют сановникам дорогу, избавляют их от трудностей и ведут страну к такому благоденствию, которое превосходит их ожидания. Вся их заслуга – в умении повиноваться» [3, с. 363]. «Все процветает в стране, где никто не делает различия между интересами государства и государя» [3, с. 361], – заключает автор.

Считая, что государь должен быть «отцом народа», Лабрюйер рисует идеальный образ монарха: «Он должен родиться от венценосцев; отличаться властным и величавым обликом, который внушает почтение придворным и действует на воображение народа, всегда жаждущего увидеть государя; постоянно быть ровным в обращении, чуждым колкой насмешливости..., не позволять себе угроз и упреков, не поддаваться гневу и держать всех в повиновении..., обладать быстрым и пронизательным умом; искренним и открытым сердцем..., умением быть сдержанным, скрытным, непроницаемым во всем, что касается его намерений и планов...». Считая, что монарх должен «отличаться твердостью, постоянством и решительностью суждений, прямоотой и справедливостью», писатель тем не менее оставляет за ним право лавировать, проводить политику даже «вопреки собственным интересам», для чего он может «становиться порою на сторону народа, союзников и даже противников...» [3, с. 364]. Настоящий правитель должен быть талантливым полководцем..., повелевать несметными армиями, самолично командовать ими...» [3, с. 364 – 365]. Монарх должен быть скромным и умеренным: «Монарх, окруженный роскошью и пышностью, – это пастух в одежде, усыпанной золотом и камнями, с золотым посохом в руке, с овчаркой в золотом ошейнике, на парчовой или шелковой сворке. Какая польза стаду от этого золота? Разве оно защитит его от волков?» [3, с. 362].

Безусловно, успех или неуспех политики всякого правителя зависит от его взаимоотношения с одной стороны, с влиятельным окружением, с другой – с народом. «Между долгом монарха по отношению к подданным и долгом подданных по отношению к монарху есть связь или, точнее, обоюдная зависимость», – пишет Лабрюйер. Он хорошо понимал это и на страницах своего сочинения рассуждает об этом. Так, читаем: «Народу выпадает великое счастье, когда монарх облакает своим доверием и назначает министрами тех, кого назначили бы сами подданные, будь то в их власти». «Одно из несчастий государя заключается в том, что он всегда боится выдать тайны, которых у него так много. Счастье для него, если находится верный человек, способный переложить это бремя на свои плечи, – продолжая, – ничто не делает такой чести государю, как скромность фаворита» [3, с. 358]. Он советует придворным не расслабляться в своих служебных делах и стараниях, жить настоящим, а не будущим: «Позвольте дать вам совет, о сановники, министры, фавориты? Не уповайте на то, что ваши потомки сумеют поддержать вашу славу и честь вашего имени: титулы забываются, милости приходят к концу, должности утрачиваются, богатства иссякают, таланты вырождаются» [3, с. 359]. Почтительное отношение писателя к монарху и его двору не помешало ему достаточно критически описать придворные традиции и нравы. Здесь рисуются портреты и лстивых придворных, и спесивых вельмож, и шеголеватых, и наглых, праздных дворян. «Мудрый правитель, – заявляет Лабрюйер, – тот, кто обладает искусством входить во все подробности и с неусыпным вниманием относится к малейшим нуждам государства» и далее: «по правде сказать, короли и министры в последнее время слишком пренебрегают этим искусством» [3, с. 360]. Контрастными выглядят характеристики автора, касающиеся сельских жителей.

Автор с уважением относится к селянам, уважает их труд. «Горожане приучены с тупым равнодушием относиться ко всему, что связано с деревенской жизнью и сельскими занятиями, они сыты, одеты, остальное их не интересует» [3, с. 307]. Лабрюйер констатирует наличие во французском обществе социального зла и показывает его причины – сословное неравенство и пагубное влияние жажды обогащения на мораль и отношения между людьми. Мир, где все продается и покупается, превращается в борьбу всех против всех, ибо люди, любящие деньги, «уже не родители, не друзья, не граждане, не христиане; это, может быть, уже не люди; это – обладатели денег». С особым сочувствием писатель рисует жизнь крестьян, доведенных непосильным трудом и тяжелыми условиями существования до потери человеческого облика. Он описывает этих тружеников не только с состраданием и пониманием их положения, он противопоставляет их привилегированным сословиям: «Судьба работника на виноградниках, солдата, каменотеса не позволяет мне жаловаться на то, что у меня нет благ князей или министров». И продолжает: «Народ не имеет разума, но аристократы не имеют души. Первый имеет добрую сущность и не имеет внешности, у вторых – есть только внешность и лоск. Нужно ли выбирать? Я не колеблюсь. Я хочу быть человеком из народа» [3, с. 340]. Лабрюйер не только отрицал несправедливость и зло, он предлагал пути к исправлению существующего порядка. В полном согласии с гуманистической философией он считал, что миром должен управлять разум. Он предлагает способы рационального переустройства государственного управления и взаимодействия между монархом и его подданными, рисуя образ идеального просвещенного правителя в главе «О государе». Здесь писатель позиционирует себя как противник произвола и насилия. Так, он пишет: «Чтобы управлять людьми, тиран не нуждается ни в искусстве, ни в мудрости: политика, которая сводится к пролитию крови, всегда недальновидна лишена гибкости. Она учит убивать тех, кто служит помехой нашему честолюбию; поэтому человек, жестокий от природы, следует ей без труда. Это самый гнусный и самый грубый способ удержаться у власти или прийти к ней» [3, с. 350]. «У подданных деспота нет родины», – утверждает автор. Он считает, что деспотический правитель ради утверждения своей власти использует самые различные методы и приемы: «Усыплять народ празднествами, зрелищами, роскошью, пышностью, наслаждениями. Делать его тщеславным, изнеженным, никчемным, ублажать его пустяками – вот безошибочная политика, к которой с давних пор прибегают во многих государствах. Чего только не добивался деспотизм ценой такой снисходительности» [3, с. 350].

В целом при анализе сочинений французских писателей XVII столетия нетрудно было заметить, как четко и однозначно их авторы реагировали на изменение политической конъюнктуры в стране. Большинство из них было прямо связано и зависимо от современных политических обстоятельств, а их идеи и выводы, в свою очередь, были продиктованы этими обстоятельствами (см. реакцию потомственного вельможи Ларошфуко на новации кардиналов Ришелье и Мазарини..., или насколько гармонично уживаются на страницах сочинений либеральные и монархические идеи и

условиях замирения враждующих сторон и укрепления абсолютизма при Людовике XIV выходца из буржуазной среды Лабрюйера...). Сравнение же политических взглядов названных писателей с политическими взглядами их предшественников в XVI в. (Филиппа де Коммина, Жана Бодена, Мишеля де Монтеня и других [1, с. 21]), касающихся, в частности, власти и ее взаимоотношения с подданными, позволяет констатировать почти их полное совпадение. В данном случае политические взгляды двух рассмотренных выше писателей,

как справедливо отмечает Ю. П. Малинин, касаясь политических идей во Франции переходного периода, вполне вписываются в общую социальную мысль того времени, которая «была ориентирована на стабильность сущего и основную задачу, стоящую перед обществом, видела в обеспечении его устойчивости и неизменности путем предотвращения перемен, раздоров и войн. Путь к этой цели проходил через нравственное совершенствование всех членов общества...» [5, с. 402 – 403].

Литература

1. Батурич А. П. Власть и подданные: проблема взаимодействия в сочинениях французских политических писателей XVI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2(54). Т. 3. С. 16 – 21.
2. Бобкова М. С. «Historia Pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М., 2010.
3. Лабрюйер Жан де. Характеры // Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1974.
4. Ларошфуко Франсуа де. Мемуары. Максимумы. М.: Наука, 1993.
5. Малинин Ю. П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» // Филипп де Коммин. Мемуары. М., 1986.

Информация об авторе:

Батурич Алексей Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории цивилизации и социокультурных коммуникаций факультета истории и международных отношений КемГУ, rinutab@mail.ru.

Aleksey P. Baturin – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communication, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.